

ПЛУТНИ

*Я лиса-колбаса, я нашла цыпленочка.
старинная немецкая песня*

Во-первых, в воскресенье он пришел с мышью. Причем мышь была живая. А на пороге он вынул ее изо рта и положил. Смотрите, какая прелесть. Мышь бежать, он ее опять за щеку. И потом сидел с ней под кустом весь день, помогал бегать. Та в сторону – он ее лапой.

Ну как вот так можно?! Пушкин же мог тигром потом родиться, или даже повиситься до слона, а теперь сам взял и полностью карму свою испортил. Будет опять котом наверное. Или до кролика понизить могут. А можно ведь и до куска сыра доиграться.

У нас снег пошел, представляешь, подлость какая. Бедные дети, они всю неделю за этот снег молились-молились, и вот, дождались, – суббота. К понедельнику конечно обратно +12 по прогнозу, и можно уже не молиться. А завтра тайфун обещают, 120 миль в час, продержится он хоть пару дней, как думаешь? Варю варенье срочно из яблок, а то ведь во время стихийных катаклизмов сильно не раскушайся, надо наблюдения вести. Тут вообще тайфунов не было еще ни разу, надо как следует подготовиться. Хочу пойти сыра купить, во время тайфуна сыр очень важно иметь в запасе.

А у нас в окне береза большая, среднерусская, вся в желтых листьях – на ней вороны сидят толстые, как черные яблоки, и качаются на ветру. А если завтра тайфун?! Вот, казалось бы, суббота на дворе, а столько вопросов неотвеченных.

Пишу наскоро самое основное, не могу отвлекаться от научных задач.

С тайфуном покудова справляемся. Кушаем цветную капусту с сыром и ведем наблюдения за акваторией. Осадки выпадают нынче обильно. Лужи сегодня особенно глубоки и местами безбрежны. Интересно и на хайвее. А в Патагонии между тем тепло и сухо. Где же твой дом, товарищ?

Была такая сказка про человека, который очень хотел написать книгу, но ему все время мешали – то жена, то дети, то кошка пробежит. И вот он раздобыл где-то большой воздушный шар и поселился в корзине над домом. Наконец-то его перестали отвлекать! Он целыми днями писал, а жена посылала ему наверх еду в маленькой корзиночке. Он ел персики и вишни, выплевывал на землю косточки и все работал над своей книгой.

Давно уже нет на свете того воздухоплателя, и никто не знает, о чем была его книга. Но вот из косточек, которыми он когда-то плевался, вырос замечательный сад. И все там теперь гуляют.

Откуда-то решили потом, что то был великий мудрец. И почему мудрец? Жена, дети, кошка. Раздражительность. Возможно, что он был просто меланхоличный

лентяй. Или стеснительный растяпа, который только и умел, что смотреть на облака и пересчитывать галок. Наблюдатель осенних гусей и любитель абрикосов.

И нету здесь никакой морали. Поэзия как золотая пыль в столбе солнца, как колебание воздуха от исчезнувшего звука, манит и завораживает беспричинно. Она притягивает настолько, что ее хочется повторять без конца. Это потом начинаются толкования, объяснения и переложения. Бессмысленная легкость ускользает из них навсегда, и окно в другой мир незаметно превращается в кривую надпись на заборе. Христианские притчи в этом отношении составляют вопиющий пример. Бог весть, что говорил Христос, но боже мой, как беспощадны пересказы.

Я вот чего заметила – ворон-то наших сереньких, среднерусских, здесь днем с огнем не сыщешь. Нету в Америке сереньких. Они тут все черные, и размером с собаку. Причем чем Америка холоднее, тем ворона матерей и толще. В горах так и просто кабаны какие-то порхатые живут. Они, главное, летать сачкуют, а ходят вместо этого по дороге. Вот ты едешь, допустим, без цепей и на летней резине по снежку обледенелому с горки, а навстречу горная ворона шагает с улыбкой. А чего ей взлетать, самолет что ли.

А океан тоже неподалеку, но холодный, только в джинсах купаться. Не особо холодно кстати, я в декабре плавала, нормально. Главное, в кроссовках надо, а то ноги на дне мерзнут. Зато в Австралии океан что надо. Но там лесов нет, грибы какие-то странные и малина дорогая. Вот почему так всегда – нос если вытащишь – хвост увязнет?

Барсук, кстати, умеет такие норы рыть, что они за горизонт загибаются. Это недавно только люди узнали.

Для вас размышлял сегодня академик Куров.

Люди, как я теперь вижу, ничего не понимают в тайфуне. Многие путают его с ураганом, штормом, цунами и скандалом у соседей. Это ошибка! Если свистит и летает, это торнадо. Если воды сразу много – это плохая погода. Тайфун наступает незаметно. Вначале идет тихий дождь, который через три дня постепенно переходит в наводнение. Люди начинают чувствовать опасность. Им больше не хочется на работу. Коты не выходят на двор. Мыши сидят в курятнике. Гуси вернулись из Канады и плавают среди домов. И только дети все лазют и лазют по лужам как подорванные. У них нет инстинктов. Взрослые вынуждены помогать им в этом.

Полштата уже залило, остальные готовятся. Сейчас вода подступает и до нас. Следим по телевизору. Пока держимся. Взяли еще чилийского, но капуста на исходе. Светка, самое главное. Если заезжаешь в лужу, ехай пока само не встанет. Которые затормозили, уже не всплывают.

Не поминай лихом.

Семья Потрошковых.

Eugene Atget был сиротой, вырос, кажется, в приюте, потом стал матросом, стюардом, художником, и наконец сделался фотографом. Последние лет сорок просто ходил по улицам и снимал. Он продавал свои картинки антикварам и коллекционерам, но покупателей находилось немного. Он умер нищим и неизвестным.

Eugene Atget
Notre Dame
1925

Это Париж. Эта глупая тумба слева, нелепый зигзаг дерева посреди кадра, кривой горизонт, и спутанные ветки, за которыми Богоматерь плывет, как во сне, вместе с Сеной – на это можно смотреть вечно. Он не придумывал никаких трюков, у него всегда все было очень просто. Может, поэтому многие считали его дураком. То что он делал, было очень неправильным, с точки зрения формальной художественности.

На Соловки я ездила в последнюю свою поездку в Россию, и выдержала аж четыре дня, после чего бежала с благословенных мест на счастливо случившемся катере в три часа утра. Цены на размещение были вдвое дороже, чем хостел в Вене, душа не было, горячей воды, разумеется, тоже, добираться до святынь либо пешком либо с бениной матерью, а развлечений в основном два: либо молиться как подстреленный, либо водку жрать. Нет, забыла, еще аренда велосипедов была. Три дня аренды как купить новый велик. Только там не продается.

Из хорошего еще запомнила шпроты, очень вкусные, в Австралии таких нет, да и в Америке тоже. Правда, банки были все сильно в мазуте замазаны, но это в общем мелочь, рыбки же внутри.

А в монастыре сидели бессовестные сытые монахи, которые никого никуда не пускали, и у всех женщин спрашивали юбки. Юбку я с собой привезла и носила в сумке, чтоб предъявлять, если прикопаются. Но, кроме юбки, у меня была еще икомосовская карточка – это такая комиссия ЮНЕСКО по охране памятников, и она оказалась даже еще убедительней. Потому что монахи при виде карточки сразу пугались и пропускали меня в штанах даже в разгар серьезных молебствий. А то вдруг я начальство какое, а им потом по православной линии всыпят.

Я привезла оттуда черно-зеленый камень. На Секирной горе подобрала. Цвет его темный, глубокий. Он лежит у меня на окне и помнит, откуда он родом.

А где лабиринт помечен, там ничего нету теперь. Там хоронили эзков в этой роще. Но могил нету конечно, просто известно, что здесь. А бараки это длинные такие дома двухэтажные, справа примерно от озера Святое. Там вообще много руин осталось. Салотопня двухсотлетняя, судоверфь, куча еще каких-то неизвестного назначения развалин. Боги давно ушли из этих мест, оставив свои диковинные игрушки всяким человеческим огрызкам.

В мельбурнском зоопарке знаменитая на весь мир коллекция обезьян. Они так похожи на людей, эти орангутанги. Они похожи на людей, которые заблудились и потеряли свой путь однажды, которые махнули на все рукой и сами отказались от своей бессмертной природы. Вот это случилось с Соловками. Это случилось с людьми. Они, должно быть, добрые, хорошие, несчастные. Они такие слабые, такие бесполезные. Их лучше просто перебить палками, потому что спасти их нельзя.

Эта неделя у нас последняя была перед каникулами, и каждый день в школе какой-нибудь особенный. Понедельник, например, был пижамный день. 2000 испорченных подростков в пижамах, ночных рубашках, пухнастых домашних тапочках с пумпонами и толстых флисовых фуфочках. У мальчиков такие милые просторные трикошки в спайдерменчиках, револьверчиках, машинках и чертиках. У девочек похожее, но с бабочками и поцелуйчиками. Учителка испанского была в

розовой ночнушке и в длинном банном халате, ботаничка – в шелковой пижаме драматической окраски с драконами, учитель математики – в деловой хлопковой пижамке для лета, с собачками. На улице между тем +6, временами дождь, и часть уроков идет в portables – это стоящие в чистом поле домики для классов, в которые надо мелкой крыской бежать из основного здания.

Потом пришел к нам день дачника, поэтому народ тусовал в шортах, маечках, с полевыми цветами в волосах и в летних шлепанцах на босу ногу. Водолаза тоже праздновали. Дети, понятное дело, в купальных костюмах и во всем водолазном. Учитель рисования пришел в ластах, в семейных трусах трогательной расцветки, со спасательным кругом и в венке из белых лилий. А я все это время хожу в пуховой куртке, в джинсах и толстых ботинках и чувствую себя последней идиоткой.

Шоколадная фабрика товарищества Абrikосовых с сыновьями. Они замечательную пастилу делали, рябиновую и яблочную. Нет, про пастилу лучше не буду. Не буду писать про пастилу. И про шоколад не буду. Про бабаевский. Настоящий шоколад. Черный. И еще белый пористый. Нет, не буду я про это писать.

Ну вот, и в этом красном доме двухэтажном в первом этаже магазин, кажется, был, а на втором контора, а потом уже фабрика. Абrikосовы были очень большая семья, перед революцией. Они не были уже такие богатые, как Морозовы или Мамонтовы, и много Абrikосовых ушли в науку, в политику и вообще в сторону от фамильного бизнеса.

И еще Абrikосовы были замечательны тем, что это единственная купеческая семья была в Москве, которая полностью перешла в католичество. Это исключительный случай, купцы больше старообрядцами были, даже такие просвещенные, как Морозовы. Анна Абrikосова, после московской гимназии окончившая Оксфорд, основала католическую общину и католический монастырь в Москве. Его закрыли в 1923 г, а ее сослали в Тобольск. Она успела еще вернуться – чтобы в 1936 г умереть, едва дожив до пятидесяти. В том году лучше было умереть.

Советский шоколад еще потому был такой хороший, что на этих фабриках оборудование стояло то еще, абrikосовское. И до середины девяностых это оборудование использовалось. Не знаю как сейчас. Все, больше про пастилу – ни слова, сама ж решила.

Фильм. Называется Je suis, tu est. Год, режиссера и киностудию не помню. На счет названия не уверена, хотя актера помню одного. Соколов ему фамилия, хотя может он и не там был, из другого фильма. Не люблю этого актера, честно говоря, вот и тут он (хотя может и другой) мерзавца играет. Там научная дама, и у них собачка. Нет, не у дамы, а у того, который вроде Соколов (он дамин сын) и его клюшка.

Лучше я по-другому начну, а то что-то не клеится рассказ. Значит, научная дама, постоянно ездит в Париж. Матисс, Дега, все такое. И у нее сын, в больнице. Нет, он сам вроде не болен, он доктор. И у него такая в общем краля, и даже не одна, но на первой он женится, а та покупает собачку, и тут все они попадают в автокатастрофу, хотя дама очень против.

Тут сын (может быть, Соколов) пускается во все тяжкие с одной заводителением, а жену парализовало, и научная дама гуляет ее собачку. Причем подруги предупре-

ждает ее об этом, и даже есть один эпизод, когда они втроем выпивают, на приеме (в посольстве прием, очень благородно), и говорят: как ты можешь?! А Дега?

А она все равно упорно гуляет собачку и знакомится с одним перцем, и тот возит ее с собачкой гулять на иномарке. Но кончается все хорошо, на даче. Парализованная там сидит в кресле, под одеялом, у собачки уже дети, а дама с тем пинфлордом, мило кокетничая насчет Дега, пьют чай с жестоко-просчитавшимися подругами.

И только дамин сын (не Соколов) все трахает и трахает мрачно свою предательскую докторшу, а кругом вечный ремонт идет, и рабочие с ведрами ходят.

Сегодня кино в science классе показывали, про научные эксперименты. Бросали индейку, как бы сорвавшуюся с морозилки в экспериментальном смысле, на макет человеческой ноги и двух искусственных собачек с костями. Нога в принципе тоже была с костями, и сверху прозрачным гелем покрыта. Ну, с ногой понятно – индюк упал, она подергалась немного и затихла. Кости, ясное дело, вдребезги. Да и какие там кости в ноге, ерунда одна.

А собачки покрепче оказались, хотя материалы, казалось бы, одинаковые. Одна даже на ногах устояла. Индюк, значит, по ней: тррррес! А собачка прогнулась слегка, задрожала, индюка с себя спихнула, и опять стоит. Глаз только маленько выскочил, ну потом назад вроде всосался. А вторая собачка типа напугалась сразу – ой! – и набок завалилась, и ушком подрыгала.

Ну их сразу в ветеринарку, для обследования, рентген там, узи, анализы. Доктор сказал, что не хочет огорчать, но прогноз вообще неоднозначный. То есть там позвоночник у первой собачки нуждается в многочисленных операциях. Стоять, говорит, сможет еще, но вот лаять уже никогда. А вторая собачка и просто молодцом. Подставку только укрепить, и глаз поправить. А там и снова можно замуж размышлять.

Мне нравится, когда меня читают; это отзывается во мне, как в гулкой бочке, и чье-то эхо долго реверберирует внутри, отскакивая от ребер. Про Булгакова я писала немножко, возле немцев, и мне хочется еще про него сказать, он меня волнует. Про Платонова не могу, никогда его не любила, он очень замкнутый, и очень мрачный. Это не смешная исступленная мрачность Достоевского, быстрая, мелькающая, переходящая в фарс; это тяжеловесная плотность наступающего бетона, сквозь нее даже звук не проходит, и у меня нет слов. Нужно немножко любить даже то, что ругаешь, иначе дыхание жизни ускользнет из рассуждений, и слова будут как пустая обертка, как бесцветные сентенции торопливого обывателя: мелодика, интонация, изобразительность.

А Бродский, да, это помутнение. И мне кажется, это просто как ветрянка в детстве, у кого-то тяжело, а у кого-то быстрее, но пройдет бесследно. Потому что художественный вкус это живое начало, он развивается и меняет форму, либо погибает, задохнувшись.

Злая не могу. Завтра же кристмас, все шопаются как подстреленные, и я, конечно, тоже – а то же после кристмаса магазины больше не откроются, если сегодня не закупиться, то все, сливай воду. Три часа ездила, потратила уйму денег, купила

тучу всякой фигни для изготовления деликатесов на ближайший месяц, а потом приехала домой и вспомнила, что жрать у нас нечего. То есть надо либо готовить срочно все эти кулинарные фитюльки, либо ехать назад и покупать что-то нормальное, чтоб сунуть в печку и поесть.

Почему, почему, почему! Почему у других людей есть ума написать списки, а у меня в голове одни шишки да корябчики? Еще возмущает, что все время дождь, что береза возле дальнего дома наконец облетела, а кот потолстел и помне прыгает ночью, и особенно сильно бесит, что я сама потолстею после того как не удержусь и опять сделаю пироги.

В Австралии на новый год температура под сорок, ночью идешь, и жар от стен, и дорога горячая. И ветер сухой и жаркий, как на том свете. А ночь короткая-короткая, как будто и не новый год. И шампанское все кислое-прекислое, а сладкого днем с огнем. И кушать совсем не хочется...

Теперь главное мне не сделать пироги. Я не хочу их и этого не будет. С ними нужно много возиться. Пироги у меня получаются хорошо, я уже это проверяла в прошлом году. И в позапрошлом тоже. Нет никакого смысла проверять это снова. И я не буду делать пироги, потому что это глупо и несовременно. У меня страшная сила воли. Хайль Гитлер всем заинтересованным.

Попугай в доме это страшная холера. У нас мама полюбила попугаев однажды, у меня есть опыт. Во-первых, везде летает, во-вторых, яйца несет в кастрюльки, книжки грызет, гадит где ни попадя и орет как разорвали. Вася его однажды в морозилку посадил. Ну достал, честно. Спасибо, брат! А тут мама с работы пришла. То-се, покупки разгружает, куру в морозилку, открывает – а оттуда этот громковещатель выходит. Граждане, он даже не охрип!

А другой раз мы его на крыло ставили. То есть мы заметили, что он летать ленится, а все норовит где-то отсидеться. И мы стали не давать ему приземляться. И в результате попугай у нас за холодильник провалился. Но это нестрашная история, совершенно. Мы его потом палкой от щетки оттуда выгребли. Ни фига не повредился. Очень крепкая птица.

А вот еще, был случай, родители в поездку уехали и мне поручили за попугаем смотреть. А я рано уходила, к первой паре, причем я же лекции и читала, то есть опаздывать нельзя. Короче, я бегаю туда-сюда, и он ко мне под душ залетел. А они когда намокают, начинающие попугаеводы, имейте это в виду, они падают сразу на дно камушком. И этот израильский летчик тоже свалился. Крылья потому что мокрые!

Я сильно напугалась, все-таки не мой попугай, мама расстроится. Завернула его в полотенчик, положила на трубу в ванной – думаю, хоть просохнет, а то ведь простудится, дрянь такая. А сама все бегаю, к первой паре каждая минута на счету.

Короче, он там в полотенце вертелся-вертелся, и опять упал, на пол. А мне уже вот, выходить надо. Я его опять в полотенце быстро, плитку зажгла и давай попугаем над плитой болтать – там все-таки воздух теплый поднимается, аэрация – просохнет быстрее.

Ну он, кстати, сам потом высушился. Ничего ему не сделалось.

А если летает тоже много, надо пшикалку такую, как для цветов, с водой. И он к тебе допустим на плечо садится, с нежностями. А ты очень медленно берешь эту пшикалку – и пшшшшш! Попугай мокрый, сразу падает на пол. Быстро, пока он не опомнился, бросаешь на него полотенце и суешь в клетку. Сам высохнет, над плитой махать не надо.

И вот один раз очередной мамин попугай присел ко мне на плечо, и что-то там курлыкает. И я медленно, но очень точно хватаю этот пульверизатор, под-ни-ма-ю – фрррр! Попугай в ту же секунду взлетает, а вся вода попадает в харю моему будущему четвертому мужу, который в тот момент тоже подкрадывался.

И напрасно, кстати, некоторые люди так не любят попугаев. Попугаи – ваши друзья. А поговорить? С ними же обо всем можно. Они не просто все повторяют, у них и своих мыслей полно. Мамино попугая я один раз случайно закрыла в холодильнике. Не в морозилке, нет. Просто он залетел вместе с другими продуктами, добровольно. А я потом дверцу открываю, оттуда выходит попугай и медленно так говорит: Все это чушь!

Я вот до сих пор думаю – чего он все-таки имел в виду.

Я смотрела на ваши фотографии сто раз – это та зима, которую мне всегда хотелось, и которая случается теперь только в моей памяти. Такая сонная ватная тишина, и медленные толстые снежинки в желтом фонаре. Мне снится ваш снег в моей суринамской глуши.